

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022020055

Индо-Тихоокеанская стратегия США в контексте конкуренции между США и Китаем: восприятие угрозы и структура альянса

У. Яньбинь

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1.*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0184-7820>

e-mail: yanbinwu@yandex.ru

Резюме. С дальнейшим усилением развивающихся азиатских стран, таких как Китай, мировой экономический центр тяжести смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион, а влияние Китая распространяется из Восточной Азии на весь остальной мир благодаря стратегии «Один Пояс, Один Путь». Экономическое и военное развитие КНР привело к глубоким изменениям в политике США в отношении Китая, особенно после того, как администрация Д. Трампа начала торговую войну с КНР, вызвавшую резкое ухудшение китайско-американских отношений. На фоне этого ухудшения США запустили собственную Индо-Тихоокеанскую стратегию, что также отражает ужесточение политики США в отношении Китая. В данной статье анализируется структура альянсов Индо-Тихоокеанской стратегии США, описывается процесс и причины её формирования и тем самым делается вывод о последствиях этой стратегии США для безопасности Индо-Тихоокеанского региона и его будущего развития.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанская стратегия США (ИТС), Китай, конкуренция, альянс

Для цитирования: У Яньбинь. Индо-Тихоокеанская стратегия США в контексте конкуренции между США и Китаем: восприятие угрозы и структура альянса. *США Канада: экономика, политика, культура*, 2022; 52 (2) 73-00.

DOI: 10.31857/S2686673022020055

U.S. – Indo-Pacific Strategy in the Context of U.S.-China Competition: Threat Perceptions and Alliance Structure

Wu Yanbin

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory Moscow State University, 119991,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0184-7820>

e-mail: yanbinwu@yandex.ru

Abstract. With the further strengthening of developing Asian countries such as China, the global economic center of gravity is shifting to the Asia-Pacific region, and China's influence is spreading from East Asia to the rest of the world through the «Belt and Road» strategy. China's economic and military development has led to a profound change in U.S. policy toward China, especially after the Trump administration launched a trade war with China. Against the backdrop of deteriorating Sino-US relations, the US launched its own Indo-Pacific strategy at this time, which also reflects the tightening of US strategy toward China. This article analyzes the alliance structure of the US Indo-Pacific Strategy, describes the process and reasons for its

formation, and thus concludes the implications of the US Indo-Pacific Strategy for the security of the Indo-Pacific region and its future development.

Keywords: Indo-Pacific Strategy, U.S., China, competition, alliance

For citation: Wu Yanbin. U.S. – Indo-Pacific Strategy in the Context of U.S.-China Competition: Threat Perceptions and Alliance Structure. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2022; 52 (2) 54-00. DOI: 10.31857/S2686673022020055

ВВЕДЕНИЕ

Первопричиной разработки Индо-Тихоокеанской стратегии США является подъём Китая и Индии. С развитием глобализации и глубокими изменениями мировой политики растёт глобальное влияние Китая, Тихий и Индийский океаны стали центральными регионами мировой экономики и торговли, а соперничество великих держав является главной темой мировой политики в новую эпоху.

Индо-Тихоокеанская стратегия США отражает жёсткое отношение США к Китаю в контексте китайско-американской конкуренции, но эта жёсткость также имеет свои исторические корни. Во время администрации Дж. Буша-младшего (2001-2009 гг.) США уже начали задумываться о жёстких отношениях с Китаем, намереваясь предпринять большую степень «сдерживания» (*containment*) против Китая в отличие от политики администрации У. Клинтона (1993–2001) «всестороннего вовлечения» (*comprehensive engagement*)¹, но события сентября 2001 г. («теракты 9/11») и последующие войны в Афганистане и Ираке привели к временной приостановке жёсткой политики США в отношении Китая. При администрации Б. Обамы (2009–2017) в стратегическом сообществе США развернулись жаркие дебаты вокруг проблемы подъёма Китая, вновь возросли настроения в пользу решительных действий по отношению к Китаю, за чем последовала стратегия «перебалансировки в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона». В январе 2012 г. Минобороны США опубликовало доклад под названием «Сохранение глобального лидерства США: Приоритеты обороны XXI века» [1], ознаменовавший собой реализацию стратегии «Азиатско-Тихоокеанской перебалансировки». С продвижением этой стратегии в политической, дипломатической, военной и экономической областях американская политика в отношении Китая эволюционировала от сотрудничества с КНР к её сдерживанию [Wang Hui, 2016].

¹ «Всестороннее вовлечение» требовало от правительства США усиления политического, экономического и военного взаимодействия с Китаем, а также поощрения и убеждения Китая проводить политику, соответствующую интересам США. Уверенность в том, что Китай трудно изменить, оказывая на него давление, и что только через многопрофильное взаимодействие с Китаем можно преобразовать его, является центральной чертой этого политического мышления [Liu Shutian, 2021].

После вступления в должность Д. Трампа (2017-2021) в документе о стратегии национальной безопасности США, опубликованном в 2017 г. [2], Китай был прямо охарактеризован как «ревизионистское государство». В 2019 г. Минобороны США и Государственный департамент выпустили свои соответствующие доктринальные документы, посвящённые ИТР [3]; [4], и Индо-Тихоокеанская стратегия (ИТС) вошла в официальную фазу развёртывания.

Вступив в январе 2021 г. в должность президента Дж. Байден выпустил «Обновление преимуществ Америки. Временное стратегическое руководство по национальной безопасности» (*Interim National Security Strategic Guidance*) [5], в котором чётко определяются отношения между США и Китаем как «стратегическое соперничество»

Легко видеть, что стратегическая позиция правительства США по отношению к Китаю постепенно ужесточается, и Индо-Тихоокеанская стратегия, проводимая США, будет играть важную роль в китайско-американской региональной конкуренции, но это также вызовет расширение двусторонней стратегической взаимной подозрительности и дефицита доверия между США и Китаем.

ВОСПРИЯТИЕ УГРОЗЫ СТРАНАМИ – ПАРТНЁРАМИ США ПО ИТС И СТРУКТУРА АЛЬЯНСОВ

В докладе Министерства обороны «Стратегия Индо-Тихоокеанского региона (2019)» (*Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region*) [3] упоминаются четыре основных вызова для США: Китай, Россия, Северная Корея и распространённость транснациональных вызовов, которые в определённой степени можно интерпретировать как наиболее важные объекты угроз США в Индо-Тихоокеанском регионе, где КНР рассматривается как «ревизионистское государство» (*The People's Republic of China as a Revisionist Power*), Россия – как возрождённый враждебный субъект» (*Russia as a Revitalized Malign Actor*), и Северная Корея – как государство-изгой» (*The Democratic People's Republic of Korea as a Rogue State*). Но поскольку Россия не находится в центре ИТР, а последствия деятельности Северной Кореи относительно ограничены, очевидно, что наивысшим уровнем угрозы в Индо-Тихоокеанской стратегии представляется КНР. Система партнёрства в сфере безопасности, продвигаемая в этой стратегии, также направлена главным образом на Китай, а упоминаемые в ИТС партнёры – это в основном страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Из названных в докладе Минобороны по ИТС стратегических партнёров Япония, Австралия, Южная Корея, Филиппины, Таиланд и Новая Зеландия – вообще традиционные союзники США в АТР; Индия, Сингапур, Индонезия, Вьетнам – важные опоры американской ИТС, но они не разделяют одинаковый с США уровень восприятия «китайской угрозы» для своей безопасности; Япония и Австралия являются близкими союзниками США, имеют сильное восприятие

китайской угрозы и являются активными участниками *стратегии США, направленной на соперничество с Китаем* и демонстрируют крайне проамериканское поведение; Южная Корея, хотя формально и является близким союзником США, но имеет более слабое восприятие китайской угрозы и показывает нейтральное отношение к конкурентной стратегии США по Китаю; Филиппины и Вьетнам – после урегулирования обострения споров в Южно-Китайском море – находятся в особой ситуации и демонстрируют осторожное поведение по поводу американской конкурентной стратегии в отношении Китая: уникальность их поведения заключается в том, что они склоняются к США, когда спор в Южно-Китайском море обостряется, и поворачиваются в сторону КНР, когда спор в Южно-Китайском море затихает, в целом демонстрируя стратегический баланс поведения; Новая Зеландия, Таиланд, Индонезия и Сингапур относительно слабо воспринимают китайскую угрозу, но, будучи весьма зависимыми от США в военной сфере, демонстрируют специфическое поведение: в стратегическом соревновании Китая с США – следуют за Вашингтоном, но с оглядкой, не слепо; Индия как региональная держава, выступающая за Движение неприсоединения, не имеет высокого уровня зависимости от США в сфере безопасности, но она имеет высокий уровень восприятия угрозы со стороны Китая, особенно в последние годы, когда территориальные споры вызвали резкое ухудшение китайско-индийских отношений. Это также привело к тому, что Индия демонстрирует позитивное отношение к американской ИТС.

В рамках Индо-Тихоокеанской стратегии администрация Д. Трампа активно привлекала союзников и партнёров по безопасности в АТР для участия в усилиях по созданию противовеса Китаю. Нынешняя американская администрация Дж. Байдена продолжила эту стратегию, стала более агрессивной в создании своей системы альянсов для сдерживания Китая. Последуют ли союзники и партнёры США в Азиатско-Тихоокеанском регионе примеру Вашингтона в создании противовеса Китаю, зависит, с одной стороны, от близости союзнических структур к США, а с другой – от их восприятия и реакции на усиление Китая. В целом, совокупность факторов влияет на политический выбор их позиции в стратегическом соревновании между США и Китаем.

РОЛЬ И МЕСТО В ИТС НЕКОТОРЫХ КЛЮЧЕВЫХ СОЮЗНИКОВ И ПАРТНЁРОВ

Рассмотрим несколько примеров с рядом типичных стран из перечисленных выше ключевых союзников и партнёров по безопасности, принимающих Индо-Тихоокеанскую стратегию США.

1. Япония: тесный альянс с США, высокая чувствительность к угрозе со стороны Китая

В последние годы, в условиях обострения американско-китайской стратегической конкуренции, США и Япония сохраняют высокую степень последовательности в своих намерениях и действиях, продвигаясь в направлении «бесшовной стыковки». По сравнению с другими союзниками в ИТР Вашингтон придаёт особое значение геополитической ценности и стратегической роли Японии. С точки зрения военного присутствия количество американских войск в Японии больше, чем у любого другого из всех союзников США в ИТР. Что касается уровня институционализации японо-американского сотрудничества в области безопасности, он также повышается: диалог «2+2» между министрами обороны и иностранных дел, который проводится один или два раза в год, становится нормализованным механизмом и играет важную роль в двустороннем сотрудничестве в области безопасности и трансформации альянса [7]. В то же время увеличилась частота военных учений с обеих сторон.

Что касается восприятия Японией угрозы со стороны Китая, то оно сильнее, чем у других индо-тихоокеанских союзников США по ряду причин, включая исторические, экономические и политические факторы. Во-первых, исторические события: раны, нанесённые китайскому народу японским милитаризмом во время Второй мировой войны, не залечены по сей день. Но наиболее тревожным выводом из результатов проведённого опроса общественного мнения является то, что если даже у японцев отсутствует по крайней мере открытая антипатия к Китаю, то, возможно, есть безразличие и усталость от того, что рассматривается как циничные требования подчиниться Пекину по вопросам истории и территории [Hughes C., 2016]. Во-вторых, между Китаем и Японией существуют территориальные споры, а частые морские конфликты наложили негативный отпечаток на двустороннее взаимодействие. Наконец, существует спор между Китаем и Японией по поводу доминирования в регионе Восточной Азии, и структурные конфликты занимают видное место. Япония не хочет, чтобы Китай стал доминирующей державой в регионе, поэтому беспокойство Токио в связи с подъёмом КНР очень заметно.

В своей Индо-Тихоокеанской стратегии США отводят Японии роль важного стратегического союзника. Чтобы дать Японии сыграть эту роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе, США в последние годы «развязывают руки» японским силам самообороны. При попустительстве Вашингтона администрация Абэ в 2013 г. создала Совет национальной безопасности, усилив тем самым полномочия канцелярии премьер-министра по принятию решений [8]. Для укрепления «многопрофильных сил обороны» оборонный бюджет Японии неуклонно растёт, и в 2021 г. бюджетное предложение её Министерства обороны предусматривает увеличение расходов на 2,6% -- до рекордных 5,48 трлн иен (49,93 млрд долл.) на год, начинающийся 1 апреля 2021 года [9].

Обязательства США по обеспечению безопасности Японии были обменены на активное следование Японии за США в военной сфере. Региональные силовые конфликты между Китаем и Японией и глобальные силовые конфликты между Китаем и США превратили Японию в важный «клевет» Вашингтона в целях сдерживания Китая. В 2018 г. были опубликованы «Руководящие принципы программы национальной обороны Японии» (NDPG) [10], в которых выражалась необходимость поиска более тесного стратегического оборонного сотрудничества с США. От концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» до сетевого регионального партнёрства Япония проводит большую работу по продвижению общих с США ценностей. В результате японо-американский альянс становится всё более взаимозависимым. В то же время система альянсов США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, основанная на японо-американском союзе, переходит к сетевой структуре сотрудничества в области безопасности с трёхсторонним союзом США – Япония – Австралия, трёхсторонним союзом США – Япония – Индия и четырёхсторонним союзом США – Япония – Индия – Австралия.

2. Австралия: тесный альянс с США, высокая чувствительность к угрозе со стороны Китая

США перешли от «вовлечения» Китая к его «сдерживанию». Австралийская концепция развивалась по аналогичной траектории: от взаимодействия с Китаем до «противостояния» (*standing up*) [McCourt D., 2021]. Взаимодействие Австралии с Китаем подкрепляется огромным потенциалом уникально дополняющих друг друга экономик двух стран: Австралия предоставляет сырьё, финансовые услуги и высшее образование, а Китай – промышленные товары [McCourt D., 2021]. И эти структурно взаимодополняющие отношения привели к очень тесным экономическим и внешнеторговым связям между Австралией и Китаем в прошлом.

Но после 2016 г. растущая напористость Китая в Южно-Китайском море нервирует Австралию [Köllner P., 2021]. В конце 2017 г. правительство М. Тернбулла представило состоящий из четырёх частей закон «О национальной безопасности и иностранном вмешательстве» (NSAFA), направленный в первую очередь на предотвращение китайского вмешательства. В этом изменении отношения к Китаю нельзя упускать из виду влияние широко разрекламированной американской Индо-Тихоокеанской стратегии. Базирующаяся на концепции АТР эта стратегия заложила основу для возобновления механизма Четырёхстороннего диалога по безопасности (*the Quad*) для укрепления отношений Австралии в сфере обороны и безопасности с США, Индией и Японией [McCourt D., 2021].

Положительно реагируя на Индо-Тихоокеанскую стратегию США, Австралия также стремится играть важную стратегическую роль и заявить о себе в АТР,

чтобы не оказаться на обочине перед фактом усиления Китая. В этих целях Канберра укрепляет отношения в сфере обороны и безопасности с США, Индией и Японией в рамках Четырёхстороннего диалога по безопасности (*the Quad*) и Разведывательного альянса «Пять глаз» (*Five Eyes*), выдвинув доводы в пользу такого укрепления. [He Kai, Feng Huiyun, 2020; Rory Medcalf R, 2020; McCourt D., 2021]

Ещё одним предметом беспокойства политиков в Канберре является растущее влияние Китая в южной части Тихого океана – регионе, который часто рассматривается как «сфера влияния» Австралии. Стратегическое сообщество Канберры опасается, что китайские кредиты странам Южно-Тихоокеанского региона в конечном итоге приведут к их политической зависимости от Пекина. Оно также опасается, что очевидный интерес Китая к развитию портов в регионе может быть мотивирован желанием создать в регионе военные базы [Köllner P., 2021].

Высокий уровень восприятия Австралией угрозы со стороны Китая в последние годы, а также её естественная политическая и культурная близость с США и зависимость от Вашингтона в сфере безопасности привели к тому, что Австралия сейчас активно поддерживает американскую Индо-Тихоокеанскую стратегию. Китайско-австралийские отношения в значительной степени зависят от отношений между США и Китаем, поэтому Австралия превратилась в «антикитайский авангард» и будет продолжать играть эту роль ещё долгое время.

3. Индия: тесное партнёрство с США, высокая чувствительность к угрозе со стороны Китая

С XXI века международный статус и Китая, и Индии стремительно рос, но очевидно, что подъём Китая происходил значительно быстрее, и в 2013 г. КНР начала реализовывать стратегию «Один Пояс, Один Путь» [11]. В сочетании с продолжающимися территориальными спорами между двумя странами [12], это привело к тому, что Индия в значительной степени высоко воспринимает угрозу со стороны Китая. Пользуясь этим, США активно приглашают Индию к участию в своей Индо-Тихоокеанской стратегии. Выбор Индии в пользу участия в системе ИТС под руководством США также в основном обусловлен сочетанием политических, военных и экономических соображений.

Во-первых, Индия считает, что участие в ИТС может повысить её международный статус и помочь справиться с давлением, вызванным ростом Китая. С одной стороны, запущенная США Индо-Тихоокеанская стратегия может принести Индии много ощутимых выгод, а с другой – благодаря двустороннему и многостороннему сотрудничеству со странами, участвующими в стратегии стратегического разворота, может повысить статус Индии в международных делах. Учитывая относительно очевидную разницу в государственной мощи меж-

ду Китаем и Индией, повышение международного статуса Индии придало бы ей дополнительную уверенность в китайско-индийской игре и в преодолении давления со стороны Китая.

Во-вторых, в Дели считают, что участие в Индо-Тихоокеанской стратегии обеспечит Индии доступ к передовому оборудованию и технологиям и усилит её военную мощь. Индия – важная страна, на которую США необходимо опираться для продвижения своей ИТС; кроме того, к сотрудничеству с Индией активно стремится Япония – одна из стран, на которые опирается стратегия «разворота». Чтобы привлечь Индию к участию в ИТС, США и Япония выступили с инициативой предоставить Дели передовые военные технологии и оборудование для усиления её военной мощи за счёт участия в Индо-Тихоокеанской стратегии.

Наконец, Индия считает, что её участие в ИТС укрепит её сотрудничество со «странами стратегического стержня» и усилит её экономическую мощь. Хотя экономическое сотрудничество не считается основным направлением Индо-Тихоокеанской стратегии США, объективно сотрудничество между странами ИТС является всесторонним, включая не только сферы политики и безопасности, но и экономическое взаимодействие, что в определённой степени повышает заинтересованность Индии в участии в Индо-Тихоокеанской стратегии США.

4. Филиппины: ослабление альянса с США, высокая чувствительность к угрозе со стороны Китая

Филиппины и Вьетнам оказались в уникальном положении в условиях стратегической конкуренции между США и Китаем. Восприятие Филиппинами угрозы со стороны Китая было сильным, когда конфликт в Южно-Китайском море усиливался и Филиппины были склонны сближаться с США, чтобы увеличить своё влияние на Китай; когда противостояние в Южно-Китайском море стало менее интенсивным, восприятие Филиппинами угрозы со стороны Китая уменьшилось и Филиппины были склонны сближаться с Китаем. В целом, кажется, что основная линия конфликта проходит именно вокруг спора по Южно-Китайскому морю. Восприятие Филиппинами угрозы со стороны Китая колебалось то вверх, то вниз, фактическая стратегия Филиппин характеризуется этими «качелями».

В последние годы китайско-американское стратегическое соперничество усилилось, и США увеличили свои обязательства перед Филиппинами, чтобы привлечь их к борьбе с Китаем:

– в 2017 г. США оказали Филиппинам военную помощь в борьбе с террористическими силами [13];

– в 2018 г. Вашингтон возвратил филиппинскую реликвию под названием Колокола Балангига (*the Balangiga Bells*), утраченную в ходе американо-филиппинской войны [14], чего требовала Манила;

– в 2019 г., чтобы удовлетворить политические требования Филиппин, тогдашний госсекретарь М. Помпео публично заявил, что американо-филиппинский Договор о взаимной обороне применяется для защиты Филиппин в Южно-Китайском море [15], отказавшись от двусмысленности обязательств США в регионе.

Однако преимущества китайского проекта «Один Пояс, Один Путь» перевесили, и администрация Дутерте не проявляет особого интереса к Индо-Тихоокеанской стратегии США. Дело в том, что китайская инициатива «Один Пояс, Один Путь» соответствует его новой стратегии развития «Амбиции 2040» (*Ambisyon Natin 2040*) [16], запущенной в октябре 2016 г., и программе 2017 г. «Строительство» (*Build*) [17], так как проекты «Один Пояс, Один Путь» могут создать рабочие места для почти 21 тыс. филиппинских граждан [18].

Филиппины не полностью отказались от американской военной помощи США. С января 2017 г. США предоставили Маниле военное оборудование для контртеррористических операций на сумму около 70 млн долл., включая беспилотники *Raven* и *Scan Eagle*, резиновые лодки, пистолеты, гранатомёты и самолёты наблюдения [19]. Но ограниченная помощь США не оказала заметного влияния на филиппинскую экономику, и поэтому Филиппины продолжают придерживаться сбалансированной стратегии в отношениях между США и Китаем – стратегии, наиболее для них выгодной. Сбалансированная стратегия Дутерте, несомненно, оказалась успешной, а его успехи в экономике и безопасности обеспечили ему высокую поддержку филиппинской общественности.

5. Южная Корея: тесный альянс со стороны США, низкое восприятие угрозы со стороны Китая

Структурно альянс Южная Корея – США является даже более тесным, чем альянс Япония – США, но восприятие Сеулом китайской угрозы находится на относительно низком уровне. Потому что, во-первых, между Китаем и Южной Кореей нет территориальных споров, что означает отсутствие «игры с нулевой суммой» между двумя сторонами с точки зрения основных интересов. Во-вторых, тесные экономические и торговые связи между Китаем и Южной Кореей привели к тому, что всё больше южнокорейцев стали позитивно воспринимать подъём Китая как благоприятную возможность. Наконец, Китай сыграл важную роль в решении ядерной проблемы и поддержании мира и стабильности на полуострове, а две Кореи имеют общие интересы в денуклеаризации полуострова, и правительство Южной Кореи рассматривает Китай как важного партнёра в

решении ядерной проблемы. Эти три фактора привели к тому, что Южная Корея в целом слабо воспринимает угрозу со стороны Китая.

Будучи близким союзником США, Южная Корея неизбежно испытывает влияние политики США в отношении Китая, но при слабом восприятии китайской угрозы и наличии более общих с ним интересов Южная Корея демонстрирует чёткую тактику балансирования в своём стратегическом выборе.

В 2017 г. администрация Д. Трампа возобновила Четырёхсторонний диалог по безопасности, его расширение и участие в нём Южной Кореи и других стран оказались в центре внимания Сеула. Однако с его стороны не последовало чёткого заявления, будет ли Южная Корея участвовать в Индо-Тихоокеанской стратегии США. Её подход к ИТС, как представляется, лучше всего охарактеризовать как «промедление» (*Foot-dragging*) [Jung S.C., Lee J., Lee J.Y., 2021]. Но если стратегическое соперничество между США и Китаем усилится, требования и давление Вашингтона на Южную Корею ещё больше возрастут, и пространство для её маневра между США и Китаем ещё больше сократится.

Из приведённого выше анализа можно вывести структуру основных партнёров Индо-Тихоокеанской стратегии США: большая близость к США указывает на более тесные с ними отношения. Очевидно, что Япония и Австралия являются центральными членами этой стратегии. Индия – ключевым членом Четырёхсторонних переговоров по безопасности, Новая Зеландия – член англосаксонского культурного пространства и альянса «Пять глаз». Что касается более периферийных стран – Южной Кореи, Филиппин, Вьетнама, Сингапура, Индонезии и Таиланда – Соединённым Штатам в них необходимо ещё завоевать больше сторонников. Помимо них Великобритания и Канада также являются экстерриториальными союзниками, с которыми США поддерживают тесные связи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во втором десятилетии XXI века быстрый экономический и военный подъём Китая вызвал беспокойство в американском обществе, включая некоторые политические элиты в высших эшелонах власти страны, которые продолжали пропагандировать подъём Китая через собственные пропагандистские механизмы, создавая общий антикитайский политический климат в США. Подобные антикитайские настроения достигли своего пика при президенте Д. Трампе, когда он активно реализовывал Индо-Тихоокеанскую стратегию, рассматривая Китай как субъекта, намеренного подорвать политическую гегемонию США и «ревизиониста» международного порядка. Д. Трамп наращивал усилия по сдерживанию Китая, формируя общественное мнение по ряду вопросов, затрагивающих основные национальные интересы Китая, связанные с Тайванем, Гонконгом, Синьцзянем, Тибетом и Южно-Китайским морем. Это привело к

тому, что в отношениях между США и Китаем наступило серьёзное похолодание.

В этой структурно конкурентной среде между США и Китаем, страны ИТР будут в разной степени подвержены влиянию изменений в отношениях между США и Китаем, и выбор стран – партнёров по Индо-Тихоокеанской стратегии США, будет варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств, с которыми они сталкиваются. Степень зависимости от США в сфере безопасности и воспринимаемая угроза со стороны Китая являются важными причинами различий в их заинтересованности и мотивации. С одной стороны, степень взаимозависимости, совпадения интересов и совместимости политики между странами-партнёрами в ИТР и США различна. В результате возникает разная степень близости между ними и Индо-Тихоокеанской партнёрской структурой США, тем самым каждая страна имеет возможность выбора между различными вариантами внешней политики и сохраняет свою автономию. С другой стороны, хотя они являются союзниками или стратегическими партнёрами США, у них свои собственные культуры и различные отношения с Китаем, и поэтому они по-разному воспринимают угрозу, исходящую от усиления Китая. Сочетание этих двух факторов привело к различиям в стратегическом выборе, сделанном Индо-Тихоокеанскими союзниками или партнёрами между США и Китаем, в результате чего практическая эффективность Индо-Тихоокеанской стратегии США оказалась ниже, чем предполагалось изначально.

В контексте китайско-американской конкуренции всё больше стран склоняются к тому, чтобы Китай обеспечивал их экономику, а США – их безопасность, но вместе с тем всё больше стран понимают, что слишком большая зависимость от США в сфере безопасности не имеет особого смысла и может привести к тому, что в случае возникновения кризисов в сфере национальной безопасности или военных конфликтов они окажутся на передовой. Кроме того, США чаще выступают не с конкретными инициативами, вносящими реальный вклад в политическую и экономическую сферу, а скорее с пропагандистскими предложениями. Перед фактом необратимого подъёма Китая США имеют тенденцию к некоторому сужению круга своих военных союзников в АТР, а их индо-тихоокеанские союзники или партнёры в более широком регионе могут первыми признать и принять реальность подъёма Китая. Поэтому военное присутствие США в Азиатско-Тихоокеанском регионе будет носить ограниченный характер.

ИСТОЧНИКИ

1. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. U.S. Department of Defense. January, 2012. Available at: https://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/defense_guidance-201201.pdf (accessed 25.08.2021).

2. U.S. National Strategy, 2017.

3. Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. U.S. Department of Defense. July 01, 2019. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (accessed 28.08.2021)

4. A free and open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. U.S. Department of State. November 04, 2019. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf> (accessed 30.08.2021).

5. Interim National Security Strategic Guidance. The White House. March, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed 10.09.2021)

6. 图表分析: 美国在世界各地的军事存在. AL Jazeera (Chinese). September 11, 2019. Available at: <https://chinese.aljazeera.net/opinions/journalist-column/2021/9/11/图表分析美国在世界各地的军事存在> (на кит. яз.) (accessed 15.09.2021)

7. U.S.-Japan Alliance Conference: Regional Perspectives on the Quadrilateral Dialogue and the Free and Open Indo-Pacific. RAND Corporation. 2020. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/CF400/CF414/RAND_CF414.pdf (accessed 10.10.2021)

8. Opening Statement by Prime Minister Shinzo Abe. The Prime Minister's Office of Japan. December 9, 2013. Available at: https://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201312/09kaiken_e.html (accessed 14.10.2021)

9. Japan's defence ministry seeks fresh hike in military spending. *Reuters*. August 31, 2021. Available at: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/japans-defence-ministry-seeks-fresh-hike-military-spending-2021-08-31/> (accessed 10.09.2021)

10. National Defense Program Guidelines // Ministry of Defense of Japan. December 18, 2018. Available at: https://www.mod.go.jp/en/d_act/d_policy/national.html (accessed 10.09.2021)

11. «推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动». The Belt and Road Forum for International Cooperation. April 07, 2017 (in Chinese). Available at: <http://2017.beltandroadforum.org/n100/2017/0407/c27-22.html> (accessed 10.09.2021)

12. 外交部详细介绍中印加勒万河谷冲突事件来龙去脉. 观察者网. July 19, 2020. Available at: https://www.guanchna.cn/politics/2020_06_19_554782.shtml (in Chinese) (accessed 10.09.2020).

13. Terrorism in the Philippines and U.S.-Philippine security cooperation. Brookings. August 15, 2017. Available at:

<https://www.brookings.edu/opinions/terrorism-in-the-philippines-and-u-s-philippine-security-cooperation/> (accessed 10.09.2021).

14. Statement: On the Return of the Balangiga Bells. Department of Foreign Affairs, Republic of The Philippines. November 15, 2018. Available at: <https://dfa.gov.ph/authentication-functions/113-newsroom/public-advisory/18511-on-the-return-of-the-balangiga-bells> (accessed 10.10.2021)

15. Pompeo assures Philippines of U.S. protection in event of sea conflict. *Reuters*. March 1, 2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-philippines-usa-idUSKCN1QI3NM> (accessed 10.09.2021)

16. Duterte's Ambisyon Natin 2040: Middle-class society for PH. *Rappler.com*. October 15, 2016. Available at: <https://www.rappler.com/nation/duterte-ambisyon-natin-2040-ph-development-plan> (accessed 10.10.2021)

18. China's Belt And Road Initiative In The Philippines. Washington, DC: 17. BUILD BUILD BUILD PROJECTS // Subic-Clark Alliance for Development. Available at: <https://scad.gov.ph/build-build-build/> (accessed 10.10.2021); East-West Center. December 16, 2020. Available at: <https://www.eastwestcenter.org/publications/china's-belt-and-road-initiative-in-the-philippines> (accessed 10.10.2021).

19. U.S. sending 4 OV-10B planes to PH for anti-terror campaign. *Rappler.com*. August 6, 2018. Available at: <https://www.rappler.com/nation/us-sending-ov-10-bronco-planes-philippines-anti-terror-campaign> (accessed 10.10.2021)

REFERENCES

He Kai and Feng Huiyun. 'The institutionalization of the Indo-Pacific: problems and prospects', *International Affairs* 96: 1, 2020, pp. 149–168.

DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiz194> (accessed 13.10.2021)

Hughes, C. 2016. Japan's 'Resentful Realism' and Balancing China's Rise // *The Chinese Journal of International Politics*, Vol 9, Issue 2, Summer p. 109–150.

DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/pow004> (accessed 10.10.2021)

Jung, S.C., Lee, J., Lee, J.Y. 2021. The Indo-Pacific Strategy and U.S. Alliance Network Expandability: Asian Middle Powers' Positions on Sino-US Geostrategic Competition in Indo-Pacific Region // *Journal of Contemporary China*, Vol.30, No.127, p.53–68. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10670564.2020.1766909> (accessed 10.10.2021)

Köllner, P. 2021. Australia and New Zealand recalibrate their China policies: convergence and divergence // *The Pacific Review*, Vol. 34(3), p. 1–32. DOI:10.1080/09512748.2019.1683598 (accessed 13.10.2021).

McCourt, D. Framing China's rise in the United States, Australia and the United Kingdom // *International Affairs* (London), 97(3), p.643–665.

DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iab009> (accessed 13.10.2021).

Medcalf, R. 'Balancing act: making sense of the Quad', *Australian Foreign Affairs*, No. 10, Oct. 2020, pp. 30–48. Available at: <https://www.australianforeignaffairs.com/articles/extract/2020/10/balancing-act> (accessed 13.10.2021)

Wang Hui. 2016. The U.S. Rebalance toward Asia-Pacific in The Light of "The Rise of China" // *Journal of China and International Relations*. Vol.4. No.2. p: 19-33. DOI: <https://doi.org/10.5278/ojs.jcir.v4i2.1697> (In Chinese) (accessed 10.10.2021).

刘舒天. 战略释疑与克林顿的对华政策转向 // 国际政治科学, 2021, 6(1): 120-166. (Liu Shutian. 2021. Strategic Interpretation and Clinton's China Policy Turn // *International Political Science*, 2021, 6(1): 120-166.) Available at: <http://www.tuiir.tsinghua.edu.cn/wenzhang5.pdf> (In Chinese) (accessed 10.10.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

У Яньбинь, аспирант факультета мировой политики МГУ.
Москва 119991, Российская Федерация
Ленинские горы, д. 1,

WU Yanbin, Postgraduate student in the faculty of World Politics.
Lomonosov Moscow State University
1, Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 14.10.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 12.11.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 15.12.2021.